

УДК 343.917

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ
В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

Д. П. Бригадин

начальник отдела международных связей
государственного института управления и
социальных технологий,
Белорусский государственный университет
(г. Минск)

В статье автор анализирует один из аспектов девиантного поведения населения Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. – преступность против государственного порядка управления. Такая преступность зачастую называется политической. В статье показана динамика политической преступности, раскрыты причины ее изменений в пореформенный период, на рубеже XIX–XX вв., в период первой российской революции и в предвоенные годы. Исследование базируется на материалах государственных архивов Беларуси и Российской Федерации, документах криминальной статистики Российской империи. Автором проанализирована эволюция нормативных правовых актов Российской империи, касающихся противодействия преступлениям против порядка государственного управления.

Ключевые слова: буржуазные реформы, преступления против порядка государственного управления, уголовная статистика, положения об усиленной и чрезвычайной охране, Первая российская революция.

Введение

Политическая преступность как юридический феномен имеет сложную природу, широкий объектный и субъектный составы. Так, все политические преступления можно разделить на те, которые совершает власть (злоупотребление полномочиями, политическая коррупция, электоральное мошенничество и др.) и те, которые совершают граждане (бунты, восстания, незаконное распространение политической информации, терроризм). В рамках данного исследования интерес представляет второй вид преступлений, которые направлены против государственного строя и порядка государственного управления. Они вызывают общественный резонанс и объясняют большой интерес к исследованию данной проблемы. Как исторический феномен политическая преступность детерминирована различными причинными комплексами. Для ее возникновения и роста необходимо влияние экономических, политических, социально-психологических факторов.

Основная часть

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в разделе III “О преступлениях государственных, включающий в себя

преступления против императора и членов его семьи” и разделе IV “О преступлениях и проступках против порядка управления” содержались статьи, направленные на противодействие всяким выступлениям против власти, системы управления, включая волостные или общественные управления. Кроме того, к этой категории преступлений относилось оскорбление чиновников, возмущение крестьян против своих помещиков, распространение призывов о неповиновении властям [1].

22 марта 1903 г. было принято новое Уголовное уложение, разработка которого растянулась более чем на 20 лет. Новый кодекс расширил круг политических преступлений. Так, появилась новая глава “О смуте”. Под понятие смуты подводились действия, прямо или косвенно направленные на подрыв авторитета верховной власти, ее революционное низвержение и возбуждение к действиям бунтовщического характера. Много внимания в главе уделено участию в “скопищах” и противозаконных собраниях. Под скопищем понималась массовая сходка людей “заведомо собравшихся с целью выразить неуважение верховной власти или порицание установленных Законами образа правления, или порядка наследия престола, или заявить сочувствие бунту или измене, или лицу, учинившему бунтовщическое или изменническое деяние, или учению, стремящемуся к насильственному разрушению существующего в государстве общественного строя и последователю такого учения” [2, ст. 121].

В статьях этой главы рассматриваются действия, направленные на пропаганду неповиновения и противодействия законам, разжигание вражды между сословиями, хозяевами и рабочими, действия по организации стачек. Особо отмечена деятельность, направленная на ниспровержение общественного строя и совершение тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ и снарядов, участие в которой каралось каторжными работами [2, ст. 126]. Как распространение смуты квалифицировались также и различные виды революционной пропаганды.

Однако центральное место в борьбе с политической преступностью занимало Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г., принятое после убийства народовольцами императора Александра II. Министр внутренних дел Н.П. Игнатьев, указывая на необходимость придания особых полномочий генерал-губернаторам, говорил, что “отсутствие таких полномочий ограничивает действие властей, они нередко бывают вынуждены превышать пределы своих прав, чем, несомненно, деморализуются как сами полицейские чины..., так равно и граждане” [3, с. 401].

Положение явилось своеобразным кодификационным сборником чрезвычайных правил по

охране государственного порядка. Генерал-губернаторы и министерство внутренних дел наделялись полномочиями по введению положения усиленной охраны на определенной территории, а Кабинет министров – введению положения чрезвычайной охраны. Вместе с тем, даже без соблюдения этой процедуры местным властям разрешалось проводить в жизнь ряд административных мер, предусмотренных при введении состояния усиленной охраны. Генерал-губернаторы могли учреждать особые военно-полицейские команды и придавать им определенные права и обязанности, в том числе и право изъятия из общей подсудности дел с передачей их к производству военного суда [4]. Положение изначально задумывалось как временная мера борьбы с террористами, которая, однако, просуществовала до Февральской революции 1917 г.

Преступность против общественного и государственного порядка во второй половине XIX в. не имела линейной динамики. Наибольшее количество таких преступлений было зафиксировано накануне буржуазных реформ. В дореформенное десятилетие число преступлений против государственного и общественного порядка достигла 70 тыс., а в последующие 60-е – 90-е гг. наблюдалось резкое снижение такой преступности (1874–1883 гг. – 13,2 тыс., 1884–1893 – 16,6 тыс.)

В результате экономического кризиса начала XX в. и в условиях действий ограничительных мер на проведение протестных акций, запрещения легальной деятельности политических партий число преступлений против общественного и государственного порядка в этот период резко возросло. В 1899–1908 гг. их число достигло 79,5 тыс., то есть превысило пиковое значение середины XIX в. Необходимо отметить, что данная статистика не в полной мере отражает количество преступлений данного вида. Огромное количество дел рассматривалось по упрощенной схеме военными судами. Как отмечал С.С. Остроумов, «назначение этих судов заключалось в беспощадной борьбе с «крамолой» путем «упрощения» следствия и суда, в усилении наказания до смертной казни» [5, с. 269]. Так, по данным министерства внутренних дел, за период 1892–1898 гг. было сослано в Сибирь 227099 чел., из них по суду только 49222 чел., или 21,7%. Следовательно, почти 8/10 всех сосланных этапировались в Сибирь царским правительством без вынесения судебных приговоров...» [5, с. 270]. С.С. Остроумов приводит выборку из статистических данных по количеству осужденных на смертную казнь военно-окружными судами в 1901–1912 гг. Согласно этим данным к высшей мере было привлечено 3360 человек, из которых 3063 человека были лицами гражданскими [5, с. 283].

Особый интерес представляет статистика окружных судов белорусских губерний. Так,

в 1890 г. в Беларуси за преступления против порядка управления было осуждено 650 чел., [6, с. 34–37], в 1896 г. – 528, [7, с. 126–129] в 1902 г. – 799, [8, с. 136–139], в 1907 г. – 1431, [9, с. 34–37], в 1910 г. – 821 [10, с. 34–37], в 1912 г. – 688 [11, с. 34–37]. Данные свидетельствуют о росте политической преступности в белорусских губерниях в начале XX в., ее пике в период революционных событий 1905–1907 гг. и последующем спаде. Данная динамика соответствует общей тенденции, наблюдаемой в Российской империи. Среди преступлений против порядка управления самым массовым было восстание и сопротивление властям. В 1907 г. в Российской империи по этой статье было осуждено 15075 чел., в 1910 г. – 3514, в 1912 г. – 3237.

Анализируя статистику преступлений, можно сделать вывод о неравномерности динамики политической преступности по губерниям, о чем свидетельствуют данные таблицы.

Количество осужденных за преступления против порядка управления

Губерния	1896 г.	1902 г.	1907 г.	1912 г.
Виленская	110	173	190	200
Витебская	142	136	569	153
Гродненская	93	197	110	102
Минская	130	191	256	176
Могилевская	53	102	306	57
Всего	528	799	1431	688

Заметим, что количество осужденных по политическим мотивам в белорусских губерниях было значительно больше, чем в других судебных округах, на что указывают, например, данные за 1896 г. по судам, относившимся к Санкт-Петербургской судебной палате (Псковский округ – 29 человек, Новгородский – 45, Ливавский – 32, Рижский – 77, Санкт-Петербургский – 102).

Подобные тенденции связаны с тем, что на рубеже XIX–XX вв. на арену политической борьбы выходят нелегальные политические партии – Всеобщий еврейский союз рабочих в Литве, Польше и России (БУНД, 1897 г.), Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП, 1898 г.), Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПил, 1900 г.), партия социалистов-революционеров (эсеров, 1901 г.), Белорусская социалистическая громада (БСГ, 1903 г.). Наряду с политической пропагандой и агитацией некоторые из них стали применять новые способы воздействия – террористические акты против представителей власти, нападения на финансовые учреждения с целью захвата денежных средств.

Деятельность политических партий, как и сам факт их существования, с точки зрения действовавшего в то время законодательства являлись преступлением и представляли общественную опасность. В советской историографии политические движения рассматривались через

призму классової борьбы, освобождения трудящихся, социальной справедливости и считались прогрессивным феноменом. С нашей точки зрения рост политической активности, в том числе политического насилия во второй половине XIX – начале XX вв. стал объективным следствием экономических, демографических и социальных изменений в обществе. Учитывая рост населения в белорусских губерниях с 6,7 млн. в 1885 г. до 11 млн. в 1912 г., развитие промышленности, урбанизацию, повышение уровня грамотности населения, в обществе возникла необходимость политической модернизации. Однако реакция власти на подобные вызовы была репрессивной.

На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. территория Беларуси регулярно становилась зоной особого внимания властей. Восстание 1863–1864 гг. привело к введению военного положения на белорусских землях. Военно-полевые суды вынесли смертный приговор 128 участникам восстания, 850 чел. были осуждены на каторгу, 12,5 тыс. чел. были высланы из Беларуси. За любое нарушение режима накладывались большие денежные штрафы. Военное положение в Беларуси было отменено только в 1870 г.

В это время оппозиционно настроенная интеллигенция выдвигает идею социального переустройства Российской империи – идею крестьянского социализма. Народнические кружки были сформированы в Минске, Витебске, Гродно, Могилеве, Слуцке, Пинске и других городах Беларуси. После раскола в 1879 г. организации “Земля и воля” на “Черный передел” и “Народную волю” народолюбцы совершили крупнейший террористический акт – убийство императора Александра II 1 марта 1881 г. В последующем народнические кружки в белорусских губерниях вели пропагандистскую работу среди учащихся, рабочих, ремесленников. Аресты, проведенные полицией в 1882 г., значительно ослабили влияние народников. С 1884 г. они отказались от революционной борьбы, сконцентрировали свои усилия на поддержке крестьянского земледелия, развитии крестьянских промыслов и др.

На рубеже веков происходит новый виток политической борьбы. 1 февраля 1899 г. было утверждено Мнение Государственного Совета “Об усилении полицейского надзора в районах промышленных заведений”. Был расширен штат полиции из расчета 1 городской на 250 рабочих и 1 надзиратель на 3 тыс. населения [12]. В начале XX в. белорусские губернии вновь были переведены в положение усиленной охраны. Местные губернаторы обладали правом издавать так называемые “обязательные постановления”. Губернатор мог в административном порядке приостановить выпуск газет, высылать участников демонстраций, стачек за пределы губернии. Нарушение постановлений губернского

начальника каралось огромным штрафом (до 3 тыс. рублей), арестом до 3 месяцев, конфискацией имущества, преданием военному суду.

На положении усиленной охраны Витебская губерния находилась до марта 1909 г., Могилевская – ноября 1909 г. Гродненская – апреля 1909 г. Однако, несмотря на все усилия властей, политическая преступность приобрела новый размах. Более того, произошла ее радикализация. Терроризм стал одной из главных угроз стабильности общества.

Наиболее известной своей террористической деятельностью стала партия эсеров. Социалисты-революционеры рассматривали террор как важную составляющую успеха наряду с систематической агитацией в массах. Политический террор, по мнению эсеров, являлся средством устрашения и дезорганизации правительства. Была создана Боевая организация партии эсеров, которую возглавил проживавший в Минске Г. Гершуни. После его ареста руководство Боевой организацией перешло Е. Азефу.

Одними из первых террористических актов стали убийства министра народного просвещения Н.П. Боголепова (14 февраля 1901 г.), министра внутренних дел Д.С. Сипягина (2 апреля 1902 г.). Огромный резонанс вызвало убийство министра внутренних дел В.К. Плеве (15 июня 1904 г.)

Репрессивный аппарат государства часто оказывался бессильным в борьбе против мобильных боевых групп. При всем неприятии террора, как формы политической борьбы, необходимо признать, что в условиях тотального подавления любых оппозиционных движений, террористическая деятельность эсеров имела политический эффект. При лояльном отношении к террору демократической общественности социалисты-революционеры приобрели много сторонников, особенно среди радикально настроенной учащейся молодежи [13, с. 49–50]. В этих условиях партия эсеров в Беларуси к 1907 г. численно увеличилась до 10 тыс. чел. [13, с. 102].

Помощник начальника Могилевского губернского жандармского управления докладывал в Департамент полиции: “Члены этой партии (эсеров. – Д.Б.) мстят работодателям... Хозяев магазинов Митлина, Шлезенгера, Коробочкина они принудили под угрозой смерти принять обратно уволенных ими рабочих и служащих... Члены этой партии стреляли в ротмистра Шебеко (май 1905 г.), офицера Листофорова; совершили убийства в Ветке Г. Паевского, Н. Козаченко, Кучерова, вынудили богатых купцов выдать им по 3 тыс. рублей. Члены этой партии страшны своей неуловимостью и безнаказанностью” [14].

Эсеровские террористические группы действовали в Минске, Витебске, Двинске, Гомеле, Белостоке. В январе 1906 г. в Минске во время похорон генерала Курча было организовано покушение боевиков И. Пулихова и А. Измайло-

вич на минского губернатора П.Г. Курлова, которого партия эсеров "приговорила" к смерти. Брошенная И. Пулиховым бомба не взорвалась, а А. Измайлович выстрелами из револьвера ранила солдата З.Потапова и почтальона Ф. Гончарика. На основании Положения о мерах к охранению государственного порядка П.Г. Курлов изъял из общей подсудности дело о покушении на губернатора (14 января 1906 г.), равно как и дела о покушении на жизнь минского полицеймейстера Норова (17 декабря 1905 г.), об убийстве в Минске тюремного надзирателя (2 января 1906 г.), об убийстве в Хойниках полицейского урядника (8 января 1906 г.), передав материалы военному суду. По приговору военного суда И. Пулихов был повешен 26 февраля 1906 г., а для А. Измайлович смертную казнь заменили 20 годами каторжных работ.

В годы первой российской революции в донесениях жандармских управлений указывалось на активизацию деятельности революционных партий. Так, начальник Гродненского губернского жандармского управления в марте 1906 г. свидетельствовал, что агитаторы эсеров, Бунда, анархистов, Паолей-Циона, ППС активно ведут работу среди преобладающего еврейского населения городов и местечек, пользуясь общим недовольством населения. Меры правительственного противодействия, – говорилось в донесении, – не находят поддержки граждан. Организованные местные отделения Бунд в Гродно, Брест-Литовске, Слониме, активно вели пропагандистскую работу среди рабочих и ремесленников, в том числе и христианского вероисповедания. В документе говорилось о создании эсерами в 1905 г. боевой организации в Белостоке, которая после введения там военного положения переместилась в Гродно. В сентябре-октябре 1905 г. боевая группа Гродненской организации эсеров совершила ряд террористических актов – была брошена бомба в городских, ранен из револьвера городской Витко, взорвана бомба в конторе тюрьмы [15, с. 33–34].

В донесении приводятся еще 14 случаев террористических актов против чиновников и фабрикантов. Подчеркивается "весьма тягостное положение, при котором власть стала совершенно бессильна, не получая содействия даже от лучших элементов населения" [15, с. 44–46].

Заключение

После поражения первой российской революции террористические акции эсеров и других революционных партий шли по затухающей. Большинство организаций со второй половины 1907 г. начали сворачивать свою деятельность. Происходили аресты активистов, разгром большинства политических организаций. Вместе с тем, наряду с репрессиями, правительство провело реформирование политической системы,

аграрной политики, финансов, армии, образования, что, безусловно, способствовало некоторому снижению социальной напряженности и уменьшению количества политических преступлений. Так, к 1912 г. произошло более чем двукратное уменьшение числа преступлений против порядка управления по сравнению с 1907 г. (688 и 1431 соответственно). Показательно, что снижение политической преступности происходит на фоне значительного роста уголовной преступности в белорусских губерниях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. [Электронный ресурс] / Российская государственная библиотека. – Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/01002889696>. – Дата доступа: 26.11.2015.
2. Уголовное уложение от 22 марта 1903 г. – СПб. : Сенатская типография, 1903. – 144 с.
3. *Зайончковский, П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов / П. А. Зайончковский. – М. : Издательство Московского университета, 1964. – 513 с.
4. О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия : Положение Кабинета Министров, 14 августа 1881 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том I. – СПб., 1985. – С. 261–966.
5. *Остроумов, С. С.* Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России / С. С. Остроумов. – М., 1961. – 304 с.
6. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1890 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов Императора Александра II / Издание Министерства Юстиции : в 3 ч. – СПб. : Сенатская типография, 1891 г. – 294 с.
7. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. – Вып. 12. за 1896 г. – СПб. : Типография правительственного сената, 1897 г. – 216 с.
8. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. – Вып. 18. за 1902 г. – СПб. : Типография правительственного сената, 1903 г. – 247 с.
9. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1907 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов Императора Александра II / Издание Министерства Юстиции : в 2 ч. – СПб. : Сенатская типография, 1910 г. – 437 с.
10. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1910 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов Императора Александра II / Издание Министерства Юстиции : в 2 ч. – СПб. : Сенатская типография, 1913 г. – 483 с.
11. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1912 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов Императора Александра II / Издание Министерства Юстиции : в 2 ч. – Пг. : Сенатская типография, 1915 г. – 407 с.
12. Об усилении полицейского надзора в районах промышленных заведений : Мнение Государственного Совета, 1 февраля 1899 г. / Полное

- собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XIX. – СПб., 1902. – С. 93–94.
13. Бригадин, П. И. Эсеры в Беларуси (конец XIX в. – февраль 1917 г.) / П. И. Бригадин. – Минск : Згода, 1994. – 152 с.
 14. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 60. Оп. 3. Д. 91. Л. 85–87.
 15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 102. ДПОО. 1905 г., Д. 1800 ч. 46. Л. 33–46.

Поступила в редакцию 22.12.2015 г.
Контакты: denisbrigadin@gmail.com
(Бригадин Денис Петрович)

Brigadin D. P. POLITICAL CRIME IN BELARUS IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES.

The author analyzes one of the aspects of deviant behaviour of the Belarusian population in the second half of the XIX – early XX centuries – crime against the order of government. Such crimes are often called political. The article shows the dynamics of a political crime, discloses the reasons for its change in the post-reform period in the XIX–XX centuries during the First Russian Revolution and in the prewar years. The study is based on the materials of state archives of Belarus and the Russian Federation, the documents of criminal statistics of the Russian Empire. The authors analyze the evolution of the normative legal acts of the Russian Empire concerning counteraction to crimes against the order of government.

Key words: bourgeois reforms, crimes against governmental order, criminal statistics, provisions on enhanced and emergency protection, the First Russian Revolution.